

СКРЫЛАСЬ В ТУМАНЕ ЛЫБЕДЬ

Наталья Кудрякова

Многие жители Владимира, наверное, не знают, что когда-то стремительно несла свои воды маленькая речка, больше похожая на ручей, с поэтическим названием Лыбедь, с никогда не замерзающими водами, но имела характер большой реки. Ей также было свойственно разливаться по весне, подтапливать улицы и дома, расположенные по обоим берегам. Вся она, со своей сосредоточенной жизнью, с задумчиво журчащими среди оврагов водами, органично вписывалась в облик города.

Мое детство было связано с этой рекой. Во все времена года Лыбедь приносила множество радостей для детворы, но особенно яркие впечатления остались от весенне-летней поры. Ранняя весна дарила детям возможность пустить в плавание еще с зимы заготовленные кораблики. Какой это был праздник! В том месте, где я жила, кончалась улица Малые Ременники, которая крутым и узким спуском булыжной мостовой упиралась в Лыбедь. На другом ее берегу начиналась улица Стрелецкая, которая так же круто поднималась между оврагами с вишневыми садами вверх. Небольшой деревянный мост соединял их. Во время весеннего разлива с этих улиц бурлящими потоками стекали ручьи. Она же, принимая эту поддержку, разливалась от оврага до оврага; а это была довольно большая площадь. У мостика вода билась о столбики, на которых он стоял, а дальше текла очень спокойно. Сюда и устремлялись кораблики, сделанные с любовью детскими руками. С улиц они плыли стремительно, испытывая крушения, пока не выходили в речку. Потом, повертевшись на месте, устремлялись вниз по течению. Их хозяева с воплями восторга и страха бежали рядом. Если суденышко было жаль отпустить на свободу, нужно было как-то суметь выхватить его перед тем, как оно попадало в реку. Хоть и неглубокая была Лыбедь, но в марте-апреле мочить ноги в холодной воде никому не хотелось, да и родители заругают. Пока текли весенние ручьи и Лыбедь была полноводной, плыли по ней детские кораблики, наполняя сердца ребят радостью. Вода в этот период была темная, и от этого река казалась более глубокой.

Была еще одна забава у детворы в весенний разлив: кататься на плотах, сбитых из досок. Это было преимущество детворы с улицы Нижне-Лыбединской. Здесь вода часто заливала огороды и даже дома, стоявшие близко к реке. Вот тогда из дома к дому подростки плыли по воде на плотах, сажая из милости и «мелюзгу».

Постепенно теплело, снега таяли, и овраги с садами вишни вокруг Лыбеди покрывались белой пеленой вишневого цвета. Вода в реке делалась прозрачной, и мы, ложась животами на прогретые солнцем доски моста, с увлечением наблюдали за живностью под ним. Это было такое богатство! Мы ждали, когда у головастиков появятся ножки, а потом получится лягушонок с хвостиком. И вдруг... весь берег оказывался усеян крошечными лягушатами. Этих головастиков мы в банках приносили домой, но они почему-то погибали. Сколько слез было пролито над неудачным экспериментом! Жаль было шустрых головастиков.

На мостках женщины полоскали белье и зимой, и летом. Поэтому расшумевшихся мальчишек часто ожидал шлепок, и они тут же замолкали. Было какое-то взаимопонимание и взаимоуважение между взрослыми и детьми. Летом у этих же мостиков мальчишки с гиканьем купались, а мы с завистью наблюдали. Вода была выше пояса, но нас пугало огромное количество пиявок, живущих в реке, да и вообще купаться с мальчишками рядом в то время считалось неприличным. Когда они начинали купаться, мы тут же уходили и издали наблюдали за их проделками.

Окрестности Лыбеди были необычайно живописны во все времена года. Стремительно извиваясь между оврагами, река наполняла легким журчанием тишину, а тишина стояла удивительная. Дома находились один от другого на расстоянии, разделенные большими садами. Движение транспорта почти отсутствовало, только летом проезжали гремучие телеги, возки с хлебом или молоком. Овраги были очень глубоки и имели разнообразную растительность. Росло много вязов с мощными стволами, лип, дурмящих своим ароматом во время цветения, и плакучих ив с обвисаю-

щими ветвями, множество черемухового кустарника с горьковатым ароматом зеленых веток. Аромат этот мы постоянно ощущали, так как держались за его ветки, карабкаясь вверх и спускаясь вниз; и руки были зеленоватые, пахли горечью. На солнечных склонах оврагов росла душистая земляника, цвели клевер с ромашками, изящные фиалки и, конечно, море одуванчиков. Из них мы плели венки, делали свистульки, из стебля пускали мыльные пузыри. Какое было изумительное занятие!

В то время (а это было в 50–60-х годах) овраги были чистые, так как никто из жителей никогда не бросал мусор на улицу, и мы, бегая босиком на траве и песку, никогда не травмировали ног. Берега Лыбеди тоже были чисты. Если приходилось идти близко к краю берега, то ощущалось под ногами легкое колебание: грунт был болотистый. Берега зарастали осокой и камышом. Вся территория от Лыбеди до кирпичного завода была болотистой, с пружинившими кочками.

Летом было очень много комаров.

Умела Лыбедь окутывать город туманом. Я очень любила наблюдать за их рождением. Сядешь на краю оврага на закате солнца. Видно, как медленно замирает жизнь на улицах у подножья оврага. Вдруг легкая дымка начинает клубиться у речки, почти незаметная. За несколько минут легкая белая лента начинает ползти по дну оврага, поднимаясь все выше и выше. И вот белые клубы тумана, словно ватные комья, начинают обволакивать округу. Все звуки тонут в этом загадочном дыме. Туман, клубясь, достигает верхушек оврагов и уже касается влажным дыханием моих ног. Внизу ничего не видно, кроме белых густых об-

лаков. Кажется, что реальный мир перестает существовать и попадаешь в какую-то сказку: можно сесть на облако и уплыть. Становится радостно и немного жутко. Я бежала домой, а туман полз за мной следом, стараясь догнать. Но около дома наш сад не пускал его дальше.

Это — вечерний туман. Но бывал еще и утренний, который неожиданно, на глазах, растворялся и рассыпался крупными каплями росы. Потом появлялось солнце и освещало своими лучами.

Зимой Лыбедь не замерзала и, клубясь легким, как пар, туманом, продолжала журчать. Было очень странно в мороз слышать этот звук. В некоторых местах она припорошивалась снегом, но сугроб был обманчив: под ним была вода.

Осенью речка из темно-желтой становилась голубой от отражающегося в ней неба. А кругом пылал багрянцем и золотом листвы осенний мир.

Любили мы свою речку-ручей и были благодарны за доставляемые радости. Но жизнь шла вперед, изменялось отношение людей к природе. С появлением большого числа благоустроенных квартир отпала нужда полоскать белье в реке. В последние годы превратилась она в место для свалок и зловонным ручьем текла по городу. Не пожалели люди маленькую речку с нежным названием Лыбедь, пришедшую к нам из прошлых эпох. Ничего не оставалось делать, как запрягать ее в трубу и засыпать. И реки не стало... Течет она теперь, замураванная под городскими улицами. И только иногда имя ее всплывает в воспоминаниях старожилов, да укрепилось в названии стадиона.